

А. А. Непомнящий

Неизвестный источник по истории крымоведения 20-х годов XX века

остояние и динамика крымоведения — интеллектуального сообщества с определенными общими целями и объектом исследования — на различных этапах развития науки во многом могут быть реконструированы благодаря привлечению неизвестных ранее источников личного происхождения. В частности, корпус эпистолярия предоставляет возможность посмотреть на определенное научное сообщество в интерьере «историографического быта» эпохи, выявить многие скрытые процессы внутренней социализации науки, реконструировать внутринаучную коммуникацию. В этой связи особенный интерес представляет переписка местных деятелей науки с крупными учеными из академических центров, которая в последнее время активно вводится в научный оборот и способствует воссозданию многих неизвестных страниц крымоведения [1, с. 138–165; 2, с. 181–202; 3; 4]. Разыскание и использование служебной и личной переписки организаторов науки из Москвы и Ленинграда с крымскими коллегами — интереснейший материал для восстановления не только коммуникаций «провинция — центр», но и биографики местных деятелей и их столичных коллег. Находка любых новых составляющих богатого эпистолярного наследия крымоведов представляет значительный интерес. Именно таким открытием стала переписка руководителя главной академической институции, занимавшейся изучением и охраной культурного наследия в СССР в 20–30-е гг. XX в., Николая Яковлевича Марра [5; 6, с. 371–382; 7, с. 156–178] с крымскими краеведами.

Интересная для истории крымоведения и до настоящего времени не введенная в научный оборот линия коммуникации Н. Я. Марра с крымскими учеными — его эпистолярное общение с крупным археологом, музейным работником Константином Эдуардовичем Гриневицем. Весомая, противоречивая фигура не только в крымоведении, организатор музейного строительства в масштабах всей Российской Федерации, К. Э. Гриневиц сделал очень много для крымской археологии, музейного дела, охраны культурного наследия в целом. Однако все существующие биографические исследования, касающиеся деятельности К. Э. Гриневица в Крыму, не раскрывают полностью его многогранную работу.

Судьба впервые тесно свела Н. Я. Марра и К. Э. Гриневица в октябре 1919 г., когда принималось решение о замещении должности директора Керченского музея древностей, подчиненного тогда Российской государственной Археологической комиссии. Хотя в это время в Крыму главенствовали Вооруженные силы Юга

@ А. А. Непомнящий, 2016

России, подвластные А. И. Деникину, научные связи Петроград — Керчь оставались нерушимыми. 6 ноября 1919 года Константин Эдуардович — вчерашний приват-доцент Петроградского университета — возглавил Керченский музей древностей. Он смог за короткое время развернуть здесь активную деятельность по охране культурного наследия, открыл Археологические (культурно-просветительные) курсы, которые осенью 1920 г. были преобразованы в Боспорский университет, организовал систематические археологические исследования, смог в условиях жесточайшего дефицита издать путеводители по Керченскому музею древностей на русском и, с учетом большого количества представителей военных Антанты, на французском языке. Однако, не выдержав жестокого голода, свирепствовавшего на полуострове в 1921 г., К. Э. Гриневиц фактически сбежал в столицу, бросив музей на произвол судьбы¹. Безусловно, в Археологической комиссии, ставшей вскоре Российской академией истории материальной культуры, ему этого не простили, о чем явствует публикуемое письмо.

17 октября 1924 года Константин Эдуардович в официальном послании «Председателю Академии истории материальной культуры Н. Я. Марру» сообщал:

«Глубокоуважаемый Николай Яковлевич.

Мне так и не удалось дожидаться Вас в Ак[адемическом] Центре, в Академии я Вас не застал, и так как я очень хочу поделиться с вами некоторыми важными для меня соображениями, то разрешите это сделать в форме частного письма. Пишу вам эти строки как к Председателю АИМК именно в форме частного письма, на которое прошу так и смотреть. То, о чем я буду говорить, является для меня большим вопросом и я долго не решался говорить о нем (я не люблю шуметь), целых два года! — но в результате моего оставления этого вопроса открытым, я затерт, мои работы не печатаются, а Вы лучше меня знаете, как важно для молодого ученого иметь печатные “опусы”, я сам 75 % своего времени должен отдавать постороннему труду (работа на Рабфаке, сотрудничание [так в тексте — А. Н.]

¹ В рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН нами выявлена содержательная переписка сотрудника Керченского музея (в последующем — директора) Юлия Юльевича Марти (1874–1959) с руководством в Петрограде. Фрагменты писем проливают свет не только на историю музея в то сложное время, но и на отдельные страницы биографии К. Э. Гриневица. Ю. Ю. Марти сообщал в Академию истории материальной культуры 15 октября 1921 года: «Положение служителей бедственное, жалование было по 1 мая. Так как трехмесячный отпуск Гриневица истек, он, видимо, решил остаться на жительство в Петрограде, я просил бы утвердить меня директором. Я получил историко-филологическое образование, окончил Историко-филологический институт по классическому отделению в 1897 г. Археологией занимаюсь с 1904 г. Тогда занял должность директора Мелек-Чесменского кургана» [ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1921 г.), д. 70, л. 53–54]. А вот строки из переписки того же Ю. Ю. Марти уже с самим К. Э. Гриневицем, находившемся в Петрограде. 19 августа 1921 г. Ю. Ю. Марти, понимая, что директор не собирается возвращаться на свое официальное место работы, написал ему: «Если Вам удастся остаться в Петрограде, прошу ходатайствовать перед АИМК о назначении меня заведующим» [ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1921 г.), д. 70, л. 48–49]. Продолжая тему ужасного положения научных сотрудников музея, Ю. Ю. Марти сообщал тому же адресату в 1922 г.: «Керчане один за другим бегут из Керчи. Становится как-то жутко в ожидании новой зимы. Кто уцелеет, а кто и нет. Борьба становится все тяжелее, а сил все меньше» [ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1922 г.), д. 59, л. 7].

в журналах не по специальности...)). Годы идут, лучшие годы, этого пропуса не вернуть и я невольно оказываюсь в хвосте научной работы, для которой я так много уже отдал времени и сил... Что делать? Помогите мне. А помощь нужна вот в чем: уже с 1915 года я идеологически связан с Археологической Комиссией¹, вся моя работа над древностями нашего классического юга связывает меня в смысле общностей заданий с Вашим учреждением, которое почему-то смотрит на меня совершенно по непонятным для меня причинам в высшей степени косо и враждебно. Мои доклады снимались с очереди, меня изолировали (не говоря уже о сокращении, когда мне было предложено вместо штатного регистратора — смешно быть регистратором с 6 летним стажем самостоятельной исследовательской работы в Университете, как приват-доцента — было предложено быть сверхштатным научным сотрудником, а потом запрещено даже было и так именовать) (и, что было особенно чувствительно, мои доклады (о таманском саркофаге — помните?, о реставрации одного краснофигурного обломка) не печатались, лежа по 15–20 месяцев без надежды увидеть свет... И сейчас эти доклады у меня как специально археологические, напечатать их нигде... Их ценность проверена Б. В. Фармаковским².

Скажите, я мог работать при этих условиях, видя, что главной причиной было просто то, что физиономия моя, вероятно, кому-нибудь не понравилась... и всюду идет это отношение, замеченное даже москвичами: Академия, не могущая меня не зная с 1915 г., как работника в области юга Росси, почти отказывает в выдаче мне Открытого листа, и не на раскопки, а на разведки... Далее, инцидент с организованным мною в Севастополе Семинарием³? А последняя гнусная клевета на меня, будто я... арестовал Моисеева⁴? И даже Вы попались на удочку, поверив этой гнусной порочающей мое имя клевете, не потрудившись ее проверить... разве все это идет не из Академии?

Не смотрите на это письмо, будто я прошусь к Вам на службу, но с чисто государственной точки зрения скажите, разве нормально оставлять за бортом многолетнего квалифицированного работника, на которого столько сил истрачено государством, а наполнять учреждения иным элементом? Впрочем, что не мое дело... Когда нас всех сняли с ак[адемического] пайка, я почти голодал, я должен был заняться и теперь занимаюсь на 75 % посторонней литературно-учебной

¹ Сотрудничество с Императорской археологической комиссией выражалось в подготовке К. Э. Гриневичем обзоров по античной истории Северного Причерноморья и состоянию местных древностей [8, с. 359–368; 9; 10, с. 427–430; 11, с. 312–315; 12, с. 45–71].

² Борис Владимирович Фармаковский (1870–1928) — историк античности, археолог. В 1901–1918 гг. — член Императорской археологической комиссии, по заданию которой систематически руководил раскопками в Ольвии. В этих экспедициях под руководством Фармаковского работал Гриневич. Один из создателей и ученый секретарь Российской академии истории материальной культуры — Государственной академии истории материальной культуры (1918–1928). Прикомандированный к Петроградскому университету Гриневич под руководством Фармаковского занимался научной деятельностью.

³ Попытка К. Э. Гриневича открыть в Севастополе археологические курсы.

⁴ Лаврентий Алексеевич Моисеев (1882–1946) — археолог, музейный работник. С 1915 г. член Императорской археологической комиссии. 1916–1924 — заведующий раскопками и Складом местных древностей в Херсонесе (с 1921 года — Херсонесским археологическим музеем), заместитель председателя Российского общества по изучению Крыма.

работой, и в то же время героически, именно, героически продолжаю свои работы в любимой области. Но я вчетверо медленней иду по своей дороге...

Словом, как будто выходит, что Академия не концентрирует молодые силы вокруг себя, а как будто их душит, да, именно душит, ибо иначе я не могу назвать политику Ак[адемии] по отношению ко мне...

Теперь мне предложено заведование Херсонесом, который идеологически связан с Академией, где будут работать сотрудники Академии и т. д. Скажите, нормально все то, о чем только что говорил и как связать все это? Надо во что бы то ни стало пользу дела поставить выше личных отношений... Скажите, разве нормально, что мне 2 года отказывали в Эрмитаже в занятиях над акварельными керченскими вазами? Я деликатен, не хотел шуметь, но факт возмутительный <...>.

К. Гриневич.

ул. Халтурина, 5, кв. 8.

Спросите Орбели¹, что стало с моим, довольно большим исследованием об ушебти, последнюю корректуру он мне отдал в 1918 году²? Кажется, он повинен в оставлении за бортом уже набранного текста (для Зап. Восточного отделения Русского Археологического О-ва) [СПФАРАН, ф. 800, оп. 3, д. 276, л. 1–1 об.].

Таким образом, письмо проясняет для нас, что неординарные организационные способности, проявленные К. Э. Гриневичем на посту директора Керченским музеем, не были забыты и он и далее привлекался к работе в Археологической комиссии, но не в той мере, в какой ему бы хотелось. А назначение на должность директора музея в Херсонесе еще раз подчеркивает симпатию к его деятельности руководившего Академией истории материальной культуры Н. Я. Марра.

Переписка ученых продолжалась и в последующие годы. Она активизировалась в 1927 г. в связи с организацией в Севастополе К. Э. Гриневичем Второй Всесоюзной конференции археологов 10–13 сентября. Успех конференции, проведенной в 1926 г. в Керчи, подтолкнул К. Э. Гриневича к проведению аналогичного съезда крымоведов на базе возглавляемого им Херсонесского музея. Уже в начале 1927 г. в Москве, Симферополе и Севастополе были созданы специальные комиссии по организации

¹ К. Э. Гриневич познакомился с авторитетным кавказоведом Иосифом Абгардовичем Орбели еще в досоветское время, когда последний являлся секретарем Восточного отделения (1914–1918) Русского археологического общества. В 1918–1920 гг. И. А. Орбели являлся ученым секретарем вновь созданной Коллегии по делам музеев при Российской государственной археологической комиссии. С 1918 г. он как один из активнейших организаторов трансформации императорской Археологической комиссии поступил в Российскую академию истории материальной культуры, также — член совета РГСК — РАИМК. Именно И. А. Орбели способствовал назначению К. Э. Гриневича на пост директора Керченского музея древностей и очень болезненно воспринял его бегство из Керчи и факт того, что музей был просто брошен на произвол судьбы. К теме взаимоотношений с И. А. Орбели К. Э. Гриневич возвращается в письме к Н. Я. Марру от 28 октября 1926 года: «Орбели продолжает меня травить. Боюсь, что дело об этом придется мне перенести в Секцию научных работников, если он не уймется. Я же не могу допустить безнаказанного опорочения моего доброго имени» [ПФАРАН, ф. 800, оп. 3, д. 276, л. 2].

² Рукопись К. Э. Гриневича «Египетские погребальные статуэтки “ушебти”» нам удалось выявить в личном архивном фонде академика И. А. Орбели [ПФАРАН, ф. 909, оп. 5, д. 15, л. 1–12].

торжественного празднования столетия начала археологического изучения на территории Херсонеса и созыва по этому поводу Конференции археологов СССР. Московская комиссия, организованная по распоряжению Главнауки Наркомата просвещения РСФСР 15 февраля 1927 года состояла из Б. С. Жукова (председатель), Д. В. Айналова, В. А. Городцова, С. П. Григорова, К. Э. Гриневича, Б. Н. Засыпкина, Н. И. Новосадского, Н. Д. Протасова и Б. В. Фармаковского. Симферопольская организационная комиссия была создана соответствующим решением Наркомата просвещения Крымской АССР 5 марта 1927 года в составе И. П. Бирзгала, У. А. Боданинского, П. И. Голландского, К. Э. Гриневича, А. Н. Деревецкого, А. И. Маркевича, Ю. Ю. Марти, Д. С. Спиридонова, Н. Л. Эрнста. Именно здесь составлялась программа конференции, которая потом утверждалась в Москве. Аналогичная комиссия в Севастополе, созданная решением местного райисполкома, занималась исключительно организационными делами: Х. К. Циммер (зам. председателя исполкома — председатель комиссии), К. И. Гриневич, К. Э. Гриневич, В. В. Красникова, В. С. Торопов. При этом Государственная академия истории материальной культуры, не без стараний К. Э. Гриневича, оказалась в стороне от непосредственной организации съезда.

Так, 16 мая 1927 года К. Э. Гриневич в письме к своему ленинградскому коллеге просил разрешение на выдачу ему из архива ГАИМК рукописи Н. И. Репникова «Раскопки Херсонесского некрополя в 1908 г.». При этом Гриневич оговорил, что «согласие автора получено» [СПФАРАН, ф. 800, оп. 3, д. 276, л. 3]. Далее он продолжал традиционную тему про свои взаимоотношения с Государственной академией истории материальной культуры: *«Я думаю, раз Вы говорите, что трения между мной и Академией ликвидированы, можно снова поднять вопрос о Херсонесском сборнике, но уже в иной плоскости: издать в нем те доклады и те материалы, которые будут доложены на Херсонесской конференции.»*

Мне кажется, что кто-то упорно, но скрыто мешает наладить связь между Академией и Херсонесом. Ведь — странное и удивительное дело: уже 3 года идет только разговор. Где-то есть скрытые пружины этого явления... Ради пользы дела было бы желательно все это ликвидировать» [СПФАРАН, ф. 800, оп. 3, д. 276, л. 3].

В письме от 2 июня 1927 года К. Э. Гриневич сообщал Н. Я. Марру о находках при исследовании «в армяно-католической церкви Карасубазара»: деревянные двери из Ани (разбирались надпись и датировка, орнамент). За подробностями К. Э. Гриневич рекомендовал Н. Я. Марру обратиться к Абдул Гамиду Шейх-Заде или в КрымОХРИС в Симферополе [СПФАРАН, ф. 800, оп. 3, д. 276, л. 4].

20 июля 1927 года директор Херсонесского музея официально приглашал руководителя ГАИМК на Херсонесскую конференцию:
«Глубокоуважаемый Николай Яковлевич.»

Очень прошу почтить личным присутствием Херсонесский съезд, которому Вы, — я лично от Вас это слышал, — сочувствуете. Не взирая на множество трений, — мне удалось добиться его организации и теперь нужно добиться полного и хорошего проведения съезда.

Мы все надеемся, что Вы приедете на съезд с докладом» [СПФАРАН, ф. 800, оп. 3, д. 276, л. 5].

Мандатной комиссией Конференции в Херсонесе было зарегистрировано 88 членов, которые представляли четыре союзные республики СССР: РСФСР (76 делегатов, в том числе из Крыма — 48), УССР (восемь представителей), БССР (один делегат)

и Закавказскую ССР (один ученый). Было представлено двадцать городов Советского Союза. Наибольшим числом делегатов выделялись Симферополь (19 человек), Севастополь (18), Москва (16), Ленинград (10). Посредством своих делегатов в Конференции приняли участие 57 учреждений и организаций [13, с. 5–6].

Приглашение на Конференцию в Херсонесе Н. Я. Марр проигнорировал. Известный крымский краевед Виктор Иосифович Филоненко в письме к студенческому другу И. Ю. Крачковскому так охарактеризовал второй опыт советского археологического съезда: *«С горя уехал в Херсонес на конференцию, которая, нужно сказать, прошла очень и очень вяло. Мало было приезжих, человек 60 не более, неинтересные доклады, более восхваляли Гриневича, так, что можно было подумать, что происходит не столетний юбилей раскопок, а юбилей Гриневича»* [СПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 219 об.].

Переписка К. Э. Гриневича и Н. Я. Марра продолжалась и позже, после перевода Константина Эдуардовича на работу в Москву. Так в письме от 26 января 1929 года он обговаривал с руководителем ГАИМК инструкции к Открытым листам, а также работу Распочной комиссии. Последнее из сохранившихся писем датировано 10 ноября 1930 года и посвящено переводу статьи.

Введение в научный оборот новых источников личного происхождения позволяет по-новому взглянуть на ранее известные события и значительно дополнить биографии крупных деятелей науки живыми фактами из отзывов их современников-коллег. Это способствует объективному воссозданию интеллектуального напряжения крымоведческого сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Непомнящий А. А.* «Пока оберегаем и спасаем...»: неизвестные материалы по истории крымоведения в переписке А. И. Маркевича и академика С. Ф. Платонова // Историческое наследие Крыма. — Симферополь, 2006. — № 16.
2. *Непомнящий А. А.* «Еще держится у нас старая культурность...»: новые материалы по истории крымоведения в переписке местных историков с академиком И. Ю. Крачковским // Историческое наследие Крыма. — Симферополь, 2007. — № 19.
3. *Непомнящий А. А.* Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения. — Симферополь, 2005.
4. *Непомнящий А. А.* Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения. — К., 2012.
5. *Голубева О. Д.* Н. Я. Марр. — СПб., 2001.
6. *Платонова Н. И.* Николай Яковлевич Марр — археолог и организатор археологической науки // Археологические вести. — 1998. — № 5.
7. *Платонова Н. И.* «Беззаконная комета на научном небосклоне»: Н. Я. Марр // Знаменитые универсанты. — СПб., 2002. — Т. 1.
8. *Гриневич К. Э.* Новый взгляд на реформу Клисфена // Гермес. — 1915. — № 13/14 (159/160); № 15/16 (161/162).
9. *Гриневич К. Э.* Четвертая книга Геродота и следы личного знакомства историка с Ольвией // Записки Харьковского университета. — 1915. — Кн. 4.
10. *Гриневич К. Э.* Н. П. Кондаков, 1866–1916 // Гермес. — 1916. — № 18(184).
11. *Гриневич К. Э.* Курджипская гемма 1896 года // Гермес. — 1916. — № 15/16(181/182).

12. *Гриневич К. Э. Бронзовый сосуд из Курджипского кургана // ИАК. — 1918. — № 65.*
13. *Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10–13 сентября 1927 года: по случаю столетия Херсонесских раскопок / Херсонесский музей; под ред. А. Н. Деревницкого, К. Э. Гриневича, Н. Л. Эрнста. — Севастополь, 1927.*

Резюме

Непомнящий А. А. Невідоме джерело з історії кримознавства 20-х років ХХ століття

На підставі епістолярних джерел, які зберігаються у Санкт-Петербурзькій філії Архіву Російської академії наук, відтворено наукові та міжособисті комунікації з головою Державної академії історії матеріальної культури Миколою Марром провідних кримознавців доби — Арсенія Маркевича та Константина Гриневича. На підставі особистого та службового листування краєзнавців відновлено вплив науковців на організацію та проведення значних за масштабом кримознавчих заходів, що проводилися в той час у Криму, зокрема — двох конференцій археологів СРСР у Керчі та Херсонесі, відповідно, 1926 і 1927 років. Відновлено невідомі сторінки історії кримознавства.

Ключові слова: М. Я. Марр, К. Е. Гриневич, А. І. Маркевич, кримознавство, Конференції археологів СРСР в Керчі та Херсонесі, епістолярна спадщина.

Резюме

Непомнящий А. А. Неизвестный источник по истории крымоведения 20-х годов ХХ века

На основе эпистолярных документов, которые выявлены автором в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, восстановлены межличностные коммуникации Председателя Государственной академии истории материальной культуры Николая Марра с ведущими крымоведами эпохи — Константином Гриневичем и Арсением Маркевичем. На основе личной и служебной переписки восстановлено участие каждого из крымоведов в организации и проведении крупных научных мероприятий — двух конференций археологов СССР в Керчи и Херсонесе, соответственно, в 1926 и 1927 годах. Воспроизведены неизвестные страницы истории крымоведения.

Ключевые слова: Н. Я. Марр, А. И. Маркевич, историческое крымоведение, конференции археологов СССР в Керчи и Херсонесе, эпистолярное наследие.

Summary

A. Nepomnyashchy. The Unknown Source on the History of Crimean Studies of 20-ies of XX Century

On the basis of the epistolary sources of the St. Petersburg branch of the Russian Academy of Sciences, being introduced to the scientific circulation at first, the academic

and personal communication with Chairman of the State Academy of history of material culture Nikolai Marr leading concerned Crimea era — Konstantin Grinevich and Arseniy Markevich was restored. The influence of the leading figures of science to conduct large events on studying of the Crimea taking place at that time in Crimea, including two Conferences archaeologists USSR in Kerch and Chersonese, was restored on materials of new documents. Unknown pages of the history of studying of the Crimea was restored.

Key words: N. J. Marr, K. E. Grinevich, A. I. Markevich, studying of the Crimea, the Conference of archeologists of the USSR in Kerch and Chersonese, epistolary heritage.

